

31 ЯНВ 1969

КОМУНИСТ
Г. ЕРЕВАН

«ОН СОВЕРШИЛ БОЛЕЕ ВЕЛИКОЕ ДЕЛО...»

26 сентября 1869 года в Кути-не, глухом городке Малой Азии, в семье ремесленника Геворга Согомоняна родился сын Согомон, будущий композитор Комитас. Геворг не был коренным жителем Кутины. Предки его переселились туда в семнадцатом веке из села Цхна области Гохтан (ныне Нахичеванская АССР), прославленной в истории и литературе армянского народа своими певцами, живописцами и поэтами.

Дар песен унаследовали и родители Комитаса. «Род мой со стороны отца и со стороны матери — стари был голосистым. Отец мой и дядя Арутюн Согомоняны, — пишет он в своей автобиографии, — были известными псалмопевцами в нашем городе, в церкви святого Теодоса».

Начальное образование Согомон получил в четырехклассной школе, потом учился в Бруссе. Музыкальный слух даровитого мальчика обратил на себя внимание, его повели в Эчмиадзин и определили в духовную академию.

Преподавателем музыки в Эчмиадзинской академии был известный композитор Христофор Кара-Мурза, который обратил особое внимание на талантливого юношу. Окончив академию, Комитас замечал своего учителя на посту преподавателя музыки. Впоследствии он усовершенствовал и углубил свои знания по теории музыки под руководством другого крупного армянского композитора Макара Екмаляна. В 1893 году Комитас стал монахом. При этом по предложению знатока армянского народного творчества католика Мкртича Христяна он принял имя католика Комитаса, который, как известно, обладал тонким художественным вкусом и был инициатором сооружения одного из лучших памятников армянского архитектурного искусства — храма Рипсиме.

В тесных и душных стенах монастырской обители Комитас не мог развернуть широкую деятельность. Он мечтал получить европейское музыкальное образование. Несмотря на препятствия, которые чинили реакционные элементы как в Эчмиадзинском монастыре, так и вне его, ему удалось проехать в Берлин, где он учится в консерватории проф. Р. Шмидта и слушает лекции на философском факультете Берлинского университета. С необычайным упорством, тщательностью и энергией овладевает он искусством игры на фортепьяно, что не так легко в тридцатилетнем возрасте.

Окончив Берлинский университет, Комитас возвращается в Эчмиадзин, преподает по-прежнему в академии Геворкян, продолжает неустанно собирать и обрабатывать народные песни. Для хора и для голоса с фортепьяно он обрабатывал многочисленные народные песни — трудовые, песни-танцы, героические и лирические. Он организует хоры, руководит ими, часто выступает в качестве солиста, организует инструментальный оркестр, при этом много занимается, усердно изучает историю и теорию музыки, творчество еврейских и русских композиторов, разъезжает по Ара-ратской долине, по селам Ширака, слушает народные песни, записы-

вает их. Посетивший его в Эчмиадзине известный музыковед В. Д. Корганов сообщает, что «Комитас переложил на ноты около 3000 армянских, курдских, персидских и турецких мотивов, церковных и светских песен, в ряде его тетрадей содержится работы по расшифровке армянских хазов, теория ла-

К столетию со дня рождения Комитаса

дов (тетрахорды), исследования народных песен, их схемы и ритмические формулы, даже подробные описания разнообразных танцев. И все это лежит на месте, ожидая нескольких сот рублей, которые необходимы для их издания».

Популяризатор музыкального творчества родного народа, Комитас блестяще выступает в Париже, Вене, Константинополе, в городах Закавказья, где дает концерты, привлекающие внимание широкой публики и критики. Студенты Московского университета приглашают его дать для них концерты в Москве. С этим обращается к нему представитель студенчества Александр Мясникян, впоследствии видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, председатель правительства Советской Армении. Сохранилось ответное письмо Комитаса А. Ф. Мясникяну, датированное 5 ноября 1909 года. Концерт в Москве не состоялся по не зависящим от композитора обстоятельствам. «Тем не менее, — писал он Мясникяну, — попробуйте, обратитесь официально к католику, быть может, он разрешит, тогда приеду, я готов служить».

Триумфы, восторженные отзывы в печати, рукоплескания почитателей его таланта омрачались официальным положением Комитаса, рысью, которую он носил, неуслышным надзором ближайшего и высшего духовного начальства. Задыхаясь в монастырской среде, он обращается к католику с просьбой освободить его от обязанностей в Эчмиадзине и разрешить удалиться отшельником в Севанский монастырь. «Я потерял двадцать лет, — пишет он, — хочу использовать хотя бы оставшиеся мне годы и занести на бумагу плоды моих исследований, как наиболее важную услугу страдающей святой армянской церкви и науке».

Комитас получает отказ.

4 декабря 1910 года он должен был выступить в Константинополе в концертном зале Пти-Шан с концертом, программа которого состояла из церковных и народных песен. Накануне он получает бумагу от константинопольского патриарха, в которой сообщалось, что первая часть концерта воспрещается. Чтобы подсластить пилюлю, заместитель патриарха писал: «Разрешаем вторую часть к удовольствию интересующихся Вашими несравненными талантливыми песнопениями...». Концерт, тем не менее, состоялся. Комитас пренебрег распоряжением патриарха.

В таких условиях жил и раба-

тал гениальный сын армянского народа.

С большим интересом изучал Комитас творчество великих русских композиторов. «Некоторые произведения Римского-Корсакова и его учебник гармонии — мои настольные книги», — говорил Комитас профессору Московской консерватории М. Ф. Гнесину.

Исследуя армянскую народную музыку, Комитас обратился к так называемым хазам, — средневековой нотописи и приложил много труда для их расшифровки. «Армянская музыка не только не жалобна и не печальна, — говорит Комитас, — она полна мощи и жизни». Эту мощь и жизненную силу он видел и в творениях средневековых армянских поэтов и гимнографов — Григора Нарекаци, Нерсеса Шнорали, Ованеса Ерзнкаци, Григора Ахтамарци и других, мелодии песен которых записаны хазами (невмами). Искусство хазов впоследствии было утеряно и стало предметом изысканий исследователей. Сообщения о том, что Комитас занят изучением хазов и поисками в этой области, вызвали большой интерес. На просьбы сообщить о результатах своих многолетних изысканий Комитас откликнулся статьей «Значение хазов Шаракина», в которой пишет: «...Правда, я нашел ключ к прочтению армянских хазов и даже читаю несложные записи, но к окончательному выводу еще не пришел, ибо, чтобы проникнуть в таинственное значение каждого из хазов, приходится исследовать десятки рукописей, при этом протекают месяцы».

В наши дни музыковед Р. А. Атаян посвятил хазам большой труд. «Армянская хазовая нотопись (Вопросы изучения и расшифровки)». О работе Комитаса над расшифровкой хазов он пишет: «Проблема расшифровки системы хазов интересовала и занимала многих армянских и зарубежных теоретиков. Особенно интенсивную и продуктивную работу выполнял великий Комитас, многолетние исследования которого бесследно исчезли, или в своей основной части еще не выявлены».

Вдохновенный труд Комитаса продолжают молодые советские армянские исследователи. В настоящее время над расшифровкой хазов работает научный сотрудник Матенадарана имени Маштоца, кандидат искусствоведения Н. Тармизян.

В заключение хочется привести слова Аветика Исаакяна, который вместе с Комитасом учился в Академии Геворкян в Эчмиадзине и был связан с ним многими годами дружбы.

«Комитас, — пишет Аветик Исаакян, — гордость нашего народа, его дело — наше национальное неисчерпаемое богатство.

Чем удостоился он этой высокой оценки со стороны нашего народа? Он не написал ни оперы, ни оратории, и почти не писал арий или романсов.

Но он совершил более великое дело. Он вывел нашу национальную песню, армянскую музыку, национальный мелос — самобытный и чистый.

Он положил основу национальной музыкальной культуре».

Н. КОРГАНОВ.